

Алексей Шляхторов

**КАК РУСЬ СТАЛА
СВЕРХ-ДЕРЖАВОЙ**

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Алексей Геннадьевич Шляхторов
Как Русь стала
Сверх-Державой.
«Неправильная Империя»
Серия «Тайны Древней Руси»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21142693

*Алексей Шляхторов. Как Русь стала Сверх-Державой. «Неправильная Империя»: Яуза; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90962-9*

Аннотация

Русофобы правы в одном: РОССИЯ – НЕ ЕВРОПА.

Наша история недостаточно кровава и бесчеловечна, чтобы считаться европейской.

Наши предки, дошедшие до Тихого океана и превратившие Русь в Сверх-Державу, были слишком веротерпимы и гуманны по сравнению с Западом.

«Русские захватчики» не уничтожали целые цивилизации, как испанские конкистадоры. «Русские оккупанты» не устраивали геноцид, как англосаксы. «Русские варвары» никогда не считали коренные народы «низшей расой», как португальские работорговцы, продававшие негров тоннами (!).

Если верно, что «империи создаются железом и кровью», то **РОССИЯ – «НЕПРАВИЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ».**

Это историческое расследование неопровержимо доказывает: Русская Сверх-Держава испокон веков держалась не на зверстве, беспределе и беспощадном грабеже покоренных народов, как колониальные империи Запада (Британская, Испанская, Португальская, Американская), но на совсем ином фундаменте.

Каком? Читайте новую книгу от автора бестселлеров «Как Золотая Орда озолотила Русь. Мифы и правда о "татаро-монгольском Иге"» и «Золотая Русь. Почему Россия не Украина»!

Содержание

Введение	6
Глава 1. Русский поход до Аляски и Памира.	15
Держава Белого царя	
Освоение Сибири и Дальнего Востока	19
Ермак Тимофеевич (1531—6 (16) августа 1585 г. Сибирское ханство)	19
Поход Алексея Чудинова на чукчей 1702 года	29
Присоединение Чукотки	32
Русская Америка	35
Индейцы тлинкиты и их страна	38
Война и мир на северо-западном побережье	40
Первые встречи	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Шляхторов

Как Русь стала Сверх-Державой.

«Неправильная Империя»

В оформлении переплета использована репродукция картины «Иван – Вдовый сын» (1999 г.) художника Бориса Михайловича Ольшанского

© Шляхторов А.Г., 2016

© Ольшанский Б. М., иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Введение

В эпоху Великих географических открытий (и завоеваний) естественным образом стали складываться колониальные империи. Эти империи, а вернее – державы, которые их создали, к 1650 году оформили 1-й раздел мира. Неевропейские земли были поделены между – в первую очередь – четырьмя странами: Россией, Испанией, Португалией и Англией. При общем сходстве – усилении держав за счет заморских богатств: сибирских мехов и персидского шелка у России, золота инков у Испании, специй и кофе, богатств Индии у Португалии и тех же индийских товаров и ямайских рабов у Англии – российская колонизация, как мы увидим далее, решительно, качественно отличалась от остальных, особенно – англосаксонских. В конце XVIII века при помощи России и Испании с Францией от Англии откололись Северо-Американские Соединенные Штаты. Которые, в общем, стали проводить такую же хищническую политику к захватываемым народам, как и англичане. При этом – именно американцы, сами ранее угнетаемые, ввели в практику фразу «хороший индеец – мертвый индеец». И здесь они очень отличались от других держав, при этом, что весьма системно и объяснимо, поливали антипиаром в первую очередь методы русских и испанцев. Кстати, давших им свободу и независимость от неумолимых англичан. Русская же имперская

модель, основанная на традиционной евразийской веротерпимости и равенстве людей разных народов перед законом, позволила дойти до Тихого океана и Самарканда без массовых истреблений людей. Были ли в других державах попытки и тенденции законотворчества, дающего аборигенам тоже равные права? Да, были. Но – меньше, чем у нас. И, что очень показательно, кроме Северо-Американских Штатов. Где с аборигенами говорили языком резерваций. В лучшем случае. Поэтому было бы важно и интересно рассмотреть человеческий опыт четырех основных типов империй – русского, португальского, испанского и англосаксонского. Остальные империи – французская, германская, голландская – повторяли опыт первых. И, кроме того, не оставляли после себя массовой иммиграции.

Португальская империя оставила после себя Бразилию. Русская и англосаксонская – две мощные сверхдержавы – Россию и Америку. Испанская – Аргентину, Мексику и ряд меньших государств между ними. Которые не могут сравниться с РФ, США или Бразилией. Но вместе – тоже составляют мощный пласт культурной и экономической цивилизации нашей планеты. Поэтому стоит рассмотреть именно названные четыре имперские модели, оказавшиеся базовыми в нашей цивилизации. Каждую из которых мы рассмотрим в отдельной главе. И начнем с нашей страны – России. И не только потому, что она оказалась самой «незапачканной» в процессе освоения новых земель. Особенно на фо-

не своего главного геополитического конкурента и основной альтернативы цивилизационного выбора развития человеческой цивилизации в лице Соединенных Штатов Америки. Но и для понимания важнейшего вопроса – о том, почему у России действительно остались самые чистые руки в отношениях с другими народами. Что является важнейшей причиной более-менее нормальных, позитивных и, как следствие, перспективных отношений между славянскими, тюркскими, кавказскими и сибирскими народами нашей страны. Особенно на фоне межнациональных кризисов и взаимного тотального недоверия между разными этническими и расовыми группами в Европе и Северной Америке. Можно даже заявить следующее: на фоне остальных Россия выглядела... э-э-э... этакой... неправильной империей. Именно так – неправильной империей. Поступающей – в главных принципах своей самоорганизации, равно как и административной организации на вновь присоединенных к России землях, – абсолютно не так, как это делали испанцы, англичане и все остальные атлантические, то есть западноевропейские, державы... Ну, например, Российская империя никогда не загоняла местные народы в резервации. Даже те народы, которые вступали с русскими в серьезные военные конфликты, как, например, чукчи (а это не анекдот и даже не шутка) на Дальнем Востоке или туркмены в Средней Азии, – никогда не подвергались поселению в резервации, истреблению сугубо мирных жителей под предлогом

внезапной слепоты и глухоты, вдруг обрушившейся – в заведомо катастрофических погодных условиях (жара, мороз, все вместе вдруг и сразу) – на головы военачальников. Которые и привели к трагическим и глубоко ошибочным действиям против невинных мирных жителей. Также надо отметить, что русские вступали в войны, как правило, с теми народами, которые являлись местными агрессорами и налетчиками, как те же чукчи (и это опять же не анекдот; в XVIII веке они были очень пассионарным народом, только пассионарность эта выливалась в наступательные войны против колымских юкагиров на западе, камчатских коряков на юге и алеутов Аляски на востоке) на севере и не менее воинственные туркмены на юге. Державшие в страхе страны Средней Азии, Иран и даже доблестных жителей северного Афганистана, вплоть до хребта Гиндукуш. И эти народы, войдя в Российскую державу, не подвергались политической мести и репрессиям. Старый негатив забывался, люди получали равные с другими народами права, оказывались в государстве веротерпимом и не навязывающем насильно христианизацию. А более мирные народы и в державу входили мирно. То есть русские при расширении своей империи не воевали со всеми подряд, круша направо и налево. Здесь надо отметить, что наши предки, в отличие от других великих держав, использовали опыт веротерпимости и свободы совести, который переняли от Золотой Орды, за годы совместного использования с этой самой Золотой Ордой Великого Волжского

торгового пути, давшего старт образованию единого Русского государства и росту его богатства и могущества. Вот интересный пример из тех отношений. На Восточно-Европейской равнине есть такой народ – чуваши. «Чуваши – люди наши». Только везде упускается одна очень важная деталь – до самого начала 1900-х годов этот народ был языческим. И поклонялся своим лесным идолам. Да, тот самый народ, столицей которого является славный город Чебоксары с весьма развитой и важной для России в целом промышленностью. Но самое главное здесь не то, что чувашаи столь долго были язычниками, а то, что им в этом никто не мешал. Ни русские христиане на западе, ни татарские мусульмане на востоке. Вот в чем суть евразийского менталитета! Признание свободы совести людей разных вер и религий. Их никто не пытался крестить насильно: ни мечом, ни саблей. И обратить в мусульманство (когда чувашаи входили в состав Золотой Орды, а затем – Казанского ханства) их тоже никто не рвался. Как следствие веротерпимости и уважительного отношения к другим народам и их культурам мы получаем еще одну, важнейшую «неправильность» России как империи. Что делали все остальные? Более или менее, но работали по одному сценарию: обнаружение, вторжение, завоевание с ломкой культур и устоев, с перестройкой элит и остальных жителей под себя, свою культуру, менталитет, и затем – выкачивание, выкачивание и еще раз выкачивание ресурсов из завоеванных земель. Россия и тут была нестандартна. Абсолют-

но. И СССР, кстати, тоже. Россия целенаправленно занималась обустройством своих окраин. Вкладывала в это совсем не малые деньги. Да, конечно, империя и вопросы экономики и денег тоже не забывала. Меха Сибири и Аляски, шелка Персии и Китая, хлопок Средней Азии и нефть Кавказа – все это приносило доходы имперской казне и усиливало державу. Но и держава не забывала о культурном и экономическом росте окраин, строительстве школ, больниц, приобщении местных элит и интеллигенции к жизни империи. А СССР – при абсолютной смене идеологии – полностью воспринял эту практику у Романовых, причем зачастую даже с перебором, в ущерб российскому населению. И все-таки... По данным исследователей, социальная система СССР имела высокий уровень демократичности и открытости, обеспечивая социальное продвижение выходцам из низших социальных групп разных национальностей и республик. Она обладала большими возможностями (социальный лифт, равенство возможностей) для продвижения граждан по социальной лестнице: от ее низших слоев – в элиту страны, что в значительной степени опровергает концепцию западных политологов о том, что советское общество состояло из бюрократии и массы бесправных граждан, не имеющих никаких перспектив. Таким образом, «неправильность» Российской империи заключалась в ее экономической НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ, ПРОСТОДУШНОСТИ И ДАЖЕ ПРОСТО ГЛУПОСТИ. НО ЭТО – ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД. Грабля

и изолируя людей в резервациях, западноевропейцы вызывали восстания либо пассивный саботаж в виде бегства людей куда глаза глядят. И в этой книге мы рассмотрим, почему простодушная и неправильная Россия не только сохранилась как великая держава, но еще и сохранила СНГ, снова строит Таможенный союз и ШОС, а испанские и французские владения рассыпались на осколки. После Португалии осталась Бразилия. Но, как очевидно для всех, – це уже совсем другая культура. А сама Португалия, когда-то одна из мировых держав, превратилась в третьестепенную страну Европы. Но больше всех потерял – и именно вследствие своей откровенно грабительской политики – наш самый закоренелый супостат – Великобритания. Будучи в начале своей колониальной эпопеи в XVI веке уже одной из сильнейших стран мира с развитой экономикой, захватив огромные богатства и нивелировав цену человеческой жизни при ее пересечении с интересами капитала, что особенно проявилось в таких людоедских акциях, как огораживания в самой Англии (когда «овцы съели людей», изгоняемых своими же лордами с обрабатываемых земель и обрекаемых на голодную смерть или казнь (!) за бродяжничество) и изгнание людей с земли в Ирландии. Или в резко распространившейся работорговле, где англичане стали безусловными лидерами. Или в еще более запредельной жестокости во время «опиумных войн», когда население Китая сократилось с 450 до 300 миллионов человек. Здесь особенно проявилась разница в отношении к лю-

дям и государствам между Россией и Англией. При атамане Хабарове, в XVII веке, Россия силами мобильных казачьих отрядов вышла к северным границам Китая и закрепилась в верховьях Амура. В самом Китае в это время шел процесс завоевания страны Маньчжурской династией. Между русскими, с одной стороны, и маньчжурами с зависимыми от них китайцами – с другой, стали возникать военные конфликты. В этой ситуации Россия довольно быстро и правильно сориентировалась. Свою боеспособность она направила не на завоевание китайских земель, а на силовое давление *ради открытия китайских рынков для России*. Ведь России было что предложить новому соседу – в первую очередь меха Сибири. Так была открыта известная в истории кяхтинская торговля. А что же Англия? А Англия, поняв к середине XIX века, что ей Китаю по большому счету предложить нечего, не придумала ничего более хорошего, чем начать насильно впихивать Китаю опиум, ввозимый из завоеванной ею же Индии. Очень демократично. Но в итоге – в XX веке коварный Альбион потерпел фиаско. Вторая мировая война для Англии де-факто стала тотальным проигрышем. Воевать за интересы Лондона никто не хотел. И империя раскололась еще капитальнее, чем Португалия. От нашего врага по «Большой игре» остался осколок в виде острова, всего в два раза превышающего по размерам Португалию. Бывшая колония – Индия – на наших глазах становится великой страной, постепенно превосходя по влиянию Туманный Альбион. А сам Альбион

стал первым слугой и лакеем дяди Сэма. **А вот простодушная и неправильная Россия – в отличие от Англии и Испании – осталась большой по размеру и великой по могуществу державой.** И распад СССР – на фоне развала иных империй (а особенно британской) – выглядит, мягко говоря, совсем иначе. Повторим, СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз – это гораздо более реальные структуры, чем абстрактное Британское Содружество Наций, члены которого спокойно вступают в ШОС, создаваемую Россией и Китаем как реальный евразийский противовес атлантическому проекту. Поэтому начнем мы с рассмотрения нашей «неправильной» империи.

Глава 1. Русский поход до Аляски и Памира. Держава Белого царя

Интересно, но первые колониальные движения Россия начала еще силами Новгородской республики. Во времена Новгород-Киевской Руси. Одновременно с викингами. Заодно скандинавы повели серьезную колонизацию и открытие новых земель на западе. Они открыли и заселили Исландию, Гренландию и земли нынешнего восточного побережья Канады и Северо-Восточных штатов Америки. Новые земли казались викингам богатейшими: во-первых, из-за огромных рыбных ресурсов Северной Атлантики, хозяевами которых они стали. А во-вторых, из-за огромного количества шкур крупных диких животных (оленей, бизонов, овцебыков) для изготовления кож. А также ценных мехов Арктики и Новой Англии. Одновременно через Белое море эти морские торговцы и разбойники добрались до Заволочья, то есть нынешнего Русского Севера. Здесь богатств было еще больше. Меха – лучше, качественнее, а значит – дороже. Огромные запасы серебряных монет и золотых изделий в капищах аборигенов, накопленные за 500 лет торговли этими мехами. Но и конкурент здесь оказался серьезным – русичи: новгородцы и устюжане. Викинги попадали в эти земли через Белое море, так как через Балтийское было слишком хлоп-

потно. Надо было прорываться сперва через Краншлот (нынешний Кронштадт), а потом и через Ладогу. Через Белое море им было удобнее. Поначалу. Но потом Новгородская республика и помогавшее ей Владимирское княжество (из-за общих интересов по защите Волжско-Балтийского торгового пути) осознали богатства Севера и начали викингов оттуда вытеснять. Последняя высадка норвежских «джентльменов удачи» в Белом море произошла в 1222 году. Поэтому уже к середине XIII века район Беломорья и Приуралья стал первым колонизированным Северной Русью богатейшим районом, который своими мехами обеспечил ее экономический рост и сильные торговые позиции в торговле с ганзейской Европой и Золотой Ордой. Практически одновременно с освоением Беломорья и Приуралья (Пермского края и Вятки) русские стали проникать за Уральские горы, в земли Западной Сибири, называемые Югрой. Эти земли считались еще более богатыми мехом. Под 1096 годом в ПВЛ (Повести временных лет) записана легенда о путешествии новгородцев к горам и побережью на север от Югры и обнаружении там знаменитого прохода, заделанного в свое время Александром Македонским. По сообщению Ипатьевской летописи под 1114 годом, ладожский посадник Павел рассказал, что «еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь» – в полунощные страны. Древний путь в Приобье шел от Устья по Вычегде в бассейн Печоры, а из Печоры по притоку Усе, через Уральский хребет в Сось – приток Оби. Другой путь

из Печоры на Обь шел южнее, к Березову. К началу XIV века новгородцы уже утвердились в этих землях. Серебро было главной целью (после мехов) русских купцов в этом районе, несмотря на то, что собственных серебряных рудников здесь не было. Это серебро, как и на Русском Севере, было здесь накоплено за столетия торговли мехами. Попытки Золотой Орды при хане Узбеке (20-30-е гг. XIV в.) проникнуть в этот же район были в основном подавлены новгородскими конкурентами. Согласно сведениям арабских авторов, из Новгорода этим путем можно было добраться до Монголии и Китая (то есть минуя Орду левобережьем Оби). Таким образом, к моменту образования Русского государства в конце XV века оно уже было готово к колонизации земель. Эта колонизация шла, в целом, в трех направлениях. Первое – это Восток: Сибирь, Камчатка, Аляска, – земли Амура и связанная с этим выгодная торговля с Китаем (кяхтинская торговля) товарами Сибири и Камчатки. Второе – это Средняя Азия: Самарканд, Бухара, Памир. И третье – Юг. Как земли Кавказа, включенные в состав России, так и торговля с Персией, в первую очередь ее лучшими в мире шелками. Эта шелковая торговля началась еще при Золотой Орде. Затем, при дезорганизации и распаде Золотой Орды, эта торговля ослабла, но не прекратилась. А после присоединения к Москве Казани и Астрахани, устройства русских крепостей на Тереке в XVI веке эта персидская торговля возродилась на новом уровне. Свою колонизацию, повторим, Россия вела, в отличие от

западных стран, опираясь на свой уникальный евразийский политический и этический опыт, полученный во время существования с Золотой Ордой и Византией в общем восточноевропейском пространстве и основанный на веротерпимости и равенстве людей перед законом, независимо от их этнического происхождения и вероисповедания. Итак, первое направление.

Освоение Сибири и Дальнего Востока

Ермак Тимофеевич (1531—6 (16) августа 1585 г. Сибирское ханство)

Знаменитый казачий атаман, один из важнейших в истории казачьих предводителей (наряду с Богданом Хмельницким и Матвеем Платовым), исторический завоеватель Сибири для Российского государства. «Родом неизвестный, душой знаменитый», он, по одному преданию, был родом с берегов реки Чусовая. Благодаря знанию местных рек ходил по Каме, Чусовой и даже переваливал в Азию, по реке Тагил, пока его не забрали служить-казачить (Черепановская летопись). Согласно другой версии, являлся уроженцем Качалинской станицы на Дону (Бронеvский). В последнее время все чаще звучит гипотеза о поморском происхождении Ермака. Имя Ермака является разговорным вариантом русского имени Ермолай или Герман. И звучит как его сокращение. Полностью имя Ермака звучало как Герман Тимофеевич Аленин. Вероятно, Ермак был сначала атаманом одной из типичных для того времени дружин волжских либо донских казаков, промышлявших на торговом пути по Волге грабежом и разбойными нападениями на русские купеческие караваны и на крымских, астраханских татар и ка-

захов. Причем разбои и набеги свои гармонично совмещали с охраной и защитой пограничных русских людей от меча и плена иноплеменников. Диалектика, однако. При всем при том, как наверняка заметил бы Михаил Самуэлевич Паниковский, люди сии были отнюдь не безыдейные. И даже далеко не безыдейные. Со своим кодексом и стержнем. Вторжение казачьего отряда Ермака на территорию Сибирского ханства в 1581–1585 годах положило начало русскому освоению Сибири. Отряд численностью в 840 человек был сформирован во владениях Строгановых, в Орле-городке. К 540 воинам казацкой дружины добавилось 300 ратников, собранных купцами Строгановыми. Значительная часть их состояла из немецких, шведских, польских и литовских пленников. Которым за поход была обещана свобода и право на вывоз части военной добычи. Здесь русские вели себя аналогично англичанам, испанцам, монголам, не ломая голову над изобретением очередного велосипеда. Деятельное участие в оснащении отряда всем необходимым приняли купцы Строгановы. Казаки Ермака прибыли на Каму по приглашению Строгановых для защиты их владений от нападений вогулов и остяков. Поход осуществлялся без ведома царских властей, и Карамзин назвал его участников «малочисленной шайкой бродяг». Костяк завоевателей Сибири составили волжские казаки в числе пяти сотен. Для решающей битвы хану Кучуму удалось собрать за укреплениями на Чувашском мысу большие силы. Кроме конницы Маметкула здесь находилось

целое ополчение из всех подвластных хану «улусов». Первый приступ казаков не удался. Второй штурм также не принес успеха. Но тут хан Кучум допустил губительную ошибку, приказав своим воинам атаковать казаков. Причем сам хан благоразумно остался стоять со своей свитой на горе. Татары, разломав в трех местах укрепления, вывели свою конницу в поле и со всех сторон устремились на небольшую рать Ермака. Казаки встали плотными рядами, заняв круговую оборону. Пищальники, сделав выстрел, отходили в глубину строя, перезаряжали оружие и снова выходили в первые ряды. Стрельба из пищалей велась непрерывно. Если татарской коннице все же удавалось приблизиться к казацкому строю, то русские ратники встречали врага копьями и саблями. Татары понесли огромные потери, но прорвать казацкий строй так и не смогли. В бою был ранен предводитель татарской конницы Маметкул. Хуже всего для хана Кучума было то, что его войско стало разбегаться. В ночь на 26 октября (8 ноября) 1582 года хан Кучум бежал из столицы и отступил в Ишимскую степь. На следующий день в Искер вошел Ермак со своей ратью. Здесь казаки нашли значительные запасы продовольствия, что было особенно важно, так как предстояло зимовать в Сибирском «царстве». Через четыре дня ханты с реки Демьянка (Уватский район) привезли в дар войску казаков пушнину и съестные припасы, главным образом рыбу. Атаман Ермак «лаской и приветом» встретил их и отпустил «с честью». За хантами потянулись с дарами местные

татары, бежавшие ранее от русских. Ермак принял их так же ласково, позволил вернуться в свои селения и обещал защищать от врагов, в первую очередь от Кучума. Следом за ними стали являться с пушниной и продовольствием ханты из левобережных районов – с рек Конда и Тавда. Всех являвшихся к нему Ермак облагал ежегодной обязательной податью – ясаком. С «лучших людей» (племенной верхушки) Ермак брал «шерть», то есть присягу в том, что их «народец» будет своевременно платить ясак. После этого они рассматривались как подданные русского царя. Для многих сюзеренитет русского «Белого царя» был более привычен, чем власть пришедшего с юга Кучума. Тут вот еще что важно отметить. Освоение русскими Дальнего Востока и всей Сибири прошло успешно. Каковы были причины успеха похода Ермака в Сибирь и последующих экспедиций на восток?

Многие народы этих земель без проблем входили в состав России, а те, кто оказывал сопротивление, не были так уж едины и решительны в том, чтобы прогнать иноземцев. Да и такие столкновения носили скорее локальный характер для каждого народа. Народы Сибири не объединялись между собой против русских, как это, например, делали арабы против крестоносцев. Одной из основных причин этого может быть особый менталитет русского народа. Русские терпимо относились к вере, культуре, быту, обычаям и языку чужого народа. Наши предки не старались сломать чужой менталитет, они даже сами охотно перенимали обычаи иноземцев.

Конечно, народы покоренных русскими земель должны были согласиться войти в состав России и платить ей дань, но эта дань была достаточно мала, поэтому ее спокойно можно было расценить как подарок. И этот ценный опыт построения отношений с другими народами русские во многом сами переняли от Золотой Орды с ее веротерпимостью во времена ведения совместной торговли на Великом Волжском пути, ставшем важнейшей составной частью Северного шелкового пути Средневековья. Взамен же эти народы получали защиту и могли написать царю письмо в случае каких-либо больших проблем, после чего этот вопрос подлежал разбору в Москве.

Во многом благодаря этим особенностям русского менталитета, основанного на историческом опыте, произошло присоединение Сибири и Дальнего Востока к России.

Россия, исходя из своих экономических и политических интересов, внесла в географические открытия XVII века значительный вклад. Русские казаки и мореплаватели совершили ряд открытий в Сибири. В указанный период отчетливо наметились два основных направления: юг, по Волге, на полное восстановление потока лучшего в мире иранского шелка и пряностей Индии, и восток (меха-соболя, Сибирь и Дальний Восток), по которым двигались русские. Большое значение имели торгово-дипломатические поездки русских людей в XVI–XVII веках в страны Востока, обследование кратчайших сухопутных маршрутов для сообщения с госу-

дарствами Средней и Центральной Азии. Еще в 1525 году, будучи в Риме, русский посол Дмитрий Герасимов сообщил писателю Павлу Йовию о том, что из Европы в Китай можно проехать водным путем через северные моря. Таким образом, Герасимов высказал смелую мысль об освоении северного пути из Европы в Азию. Даже очень смелую, ибо основана она была только на смутных догадках новгородских ушкуйников XIII–XIV веков, совершавших плавания вверх по Оби, а также промысловые – на Новую Землю и в устье Енисея. Дойти до Таймыра при тех технологиях было не легче, чем викингам – до Гренландии и района нынешнего Бостона. Но, общаясь с хантами, ненцами, тунгусами, эти вятские, волжские и новгородские «последние норманны», люди отважные и предприимчивые, многое могли домыслить интуицией и воображением здорового авантюризма. Эта идея, благодаря Йовию, опубликовавшему специальную книгу о Московии и славном посольстве Герасимова, стала широко известной в Западной Европе и была воспринята с живейшим интересом. Возможно, что организация экспедиций Уиллоуби и Баренца была вызвана сообщениями русского посла. Во всяком случае, поиски Северного морского пути на восток уже в середине XVI века привели к установлению непосредственных морских связей между Западной Европой и Россией. Первым достоверным российским свидетельством о путешествии в Китай являются сведения о посольстве казака Ивана Петлина в 1618–1619 годах в Пекин из Томска.

Этот казак через территорию Монголии прошел в Китай и побывал в Пекине. Вернувшись на родину, он представил в Москве «чертеж и роспись про Китайскую область». Собранные в результате поездки Петлина сведения о путях в Китай, о природных богатствах и экономике Монголии и Китая способствовали расширению географического кругозора современников. Однако русская торговля с Китаем стала развиваться только в XVIII веке, после заключения Нерчинского договора в 1689 году. Поддержанный правительством поход Ермака (1581–1584) привел к присоединению Западной Сибири к Русскому государству. Еще в середине XVI века упоминаются плавания русских полярных мореходов из европейской части страны в Обскую губу и к устью Енисея. Они продвигались вдоль побережья Ледовитого океана на небольших килевых парусных судах – кочах, хорошо приспособленных к плаваниям во льдах Арктики благодаря яйцевидной форме корпуса, уменьшавшей опасность ледового сжатия. Пользовались русские мореходы XVI–XVII веков компасом («маткой») и картами. В первые два десятилетия XVII века уже существовало довольно регулярное водное сообщение западносибирских городов с Мангазеей по Оби, Обской губе и Ледовитому океану (так называемый «Мангазейский ход»). Такое же сообщение поддерживалось между Архангельском и Мангазеей. По свидетельству современников, из Архангельска в «Мангазею по вся годы ходят ночами многие торговые и промышленные люди со всяки-

ми немецкими (то есть иностранными, западноевропейскими) товары и с хлебом». Чрезвычайно важным было установление того факта, что Енисей впадает в то самое «Студеное море», по которому из Западной Европы плавают к Архангельску. Это открытие принадлежит Кондратию Курочкину, который первым обследовал фарватер нижнего Енисея вплоть до устья. Серьезный удар «Мангазейскому ходу» был нанесен правительственными запрещениями 1619–1620 годов пользоваться морским путем в Мангазею, преследовавшими цель предотвратить проникновение туда иностранцев. И запереть их в Архангельске. Продвигаясь на восток в тайгу и тундру Восточной Сибири, русские открыли одну из крупнейших рек Азии – Лену. Среди северных экспедиций на Лену выделяется поход Пенды (до 1630 года). Начав свой путь с 40 сподвижниками из Туруханска, он прошел по всей Нижней Тунгуске, перевалил через волок и достиг Лены. Спустившись по Лене в центральные районы Якутии, Пенда затем проплыл по той же реке в обратном направлении почти до верховьев. Отсюда, пройдя бурятскими степями, он попал на Ангару (Верхнюю Тунгуску), первым из русских проплыл вниз по всей Ангаре, преодолев ее знаменитые пороги, после чего вышел на Енисей, а по Енисею вернулся в исходный пункт – Туруханск. Пенда и его спутники совершили беспрецедентное круговое путешествие протяженностью в несколько тысяч километров по труднодоступной местности. И оценили их богатства мехами и опорной близостью на

юге бурятских земель к Китаю. Важным открытием на северо-востоке Азии завершилась в начале 40-х годов XVII века экспедиция Михаила Стадухина. Отряд казачьего десятника и купца Стадухина, в котором находился Семен Дежнев, спустившись на коче по Индигирке, в 1643 году морем дошел на «Ковыму реку», то есть достиг устья реки Колымы. Здесь было заложено Нижне-Колымское зимовье, из которого несколькими годами позже вышли в свое знаменитое плавание вокруг северо-восточной оконечности азиатского материка кочи казака Семена Ивановича Дежнева и промышленного человека Федота Алексеева (известного под фамилией Попов). Имеются основания считать, что и Камчатка в середине XVII века была открыта русскими людьми. По позднейшим известиям, коч Федота Алексеева и его спутников достиг Камчатки, где русские долго жили среди ительменов. Есть предположение, что часть судов экспедиции Дежнева, исчезнувшая по пути к Чукотскому носу, добралась до Аляски, где основала русское поселение. В 1937 году во время земляных работ на Кенайском полуострове (Аляска) были обнаружены остатки жилищ трехсотлетней давности, которые отнесены учеными к числу построенных русскими людьми. В течение 1643–1651 годов состоялись походы русских отрядов В. Пояркова и Е. Хабарова на Амур, доставившие ряд ценных сведений об этой не изученной европейцами реке. Итак, на протяжении сравнительно короткого исторического периода (с 80-х годов XVI в. до 50-х годов XVII в.)

русские люди прошли по степным и таежным рекам через всю Сибирь, проплыли по морям Арктики и совершили ряд выдающихся географических открытий. И все это оказалось не зря. **Сибирский мех составлял в XVII веке 25 % российского бюджета!** Это помимо моржового клыка и серебра. При том что русский ясак не воспринимался сибирскими народами обременительным. И кроме того, к промыслу все более присоединялись русские переселенцы, уже имевшие навыки промысловой охоты. И все же не всегда русские присоединяли земли легко. На далекой Чукотке и в многолюдном Китае приходилось напрягаться.

Непосредственно на Чукотке русские первопроходцы (казаки под предводительством атамана Семена Дежнева) появились в 1648 году. В 1649 году Дежнев в верхнем течении Анадыря основал зимовье, на месте которого в 1652 году был построен Анадырский острог. В 1702 году по просьбе ясачных юкагиrow русские предприняли совместный с ними поход против чукчей. Дело в том, что в течение XVII–XVIII веков численность поголовья оленей у чукотских общин постоянно росла. Но не за счет естественного прироста или приручения диких оленей, а, главным образом, за счет захвата стад у юкагиrow и коряков.

Поход Алексея Чудинова на чукчей 1702 года

Военная экспедиция казаков и союзных России юкагиров и коряков против чукчей в апреле – июне 1702 года с целью покарать их за набеги на русских и подвластные им народы. Русские нанесли чукчам большие потери, но серьезных стратегических успехов не добились и под натиском превосходящих сил противника были вынуждены отступить с населенных чукчами территорий. Расширяя свои сибирские владения, русские во второй половине XVII века дошли до границ земель, населенных чукчами. Чукчи были не только гордым, свободолюбивым и воинственным народом, но и местными экспансионерами. Они презирали все окружающие их народы и постоянно терроризировали их своими набегами. В этих условиях столкновение их с русскими было неизбежно. Поначалу противостояние ограничивалось небольшими стычками. Чукчи убивали сборщиков ясака и русских промышленников и совершали набеги на недавно принявших русское подданство юкагиров. Русские организовали против них несколько небольших экспедиций, закончившихся безрезультатно. В 1701 году ясачные юкагиры Ходынского рода Некраско обратились к анадырскому приказчику сыну боярскому Григорию Чернышевскому с просьбой о защите от чукотских набегов. Чернышевский подошел к чукотской про-

блеме более серьезно и снарядил для похода на чукчей большой по местным меркам отряд из 24 русских (служилых казаков, промышленников и жителей Анадырска) и 110 юкагиров и коряков под командованием казака Алексея Чудинова. Целью похода было принятие чукчами русского подданства, уплата ими ясака и прекращение набегов. Отряд Чудинова выступил из Анадырска в апреле 1702 года. Дойдя до «Анадырского моря» (возможно, Анадырского залива), казаки увидели поселение «пеших» (скорее всего, оседлых чукчей). Казаки потребовали от них уплатить ясак и после того, как чукчи отказались, атаковали их и уничтожили поселение. Казаки разорили 13 «юрт» (скорее всего, яранг) и убили 10 мужчин, а их жен и детей взяли в плен. Однако некоторому количеству мужчин удалось спастись бегством, и они известили другие стойбища. Узнав о случившемся, чукчи собрали большие силы и сами атаковали врага. Вскоре отряд Чудинова столкнулся с 300 чукчей. В произошедшем сражении русские силы одержали над ними решительную победу, убив 200 из них. О потерях с русской стороны в этих двух столкновениях ничего не известно, скорее всего, их не было. Однако уже на следующий день отряд Чудинова был окружен огромными силами чукчей. По свидетельствам некоторых участников похода, их было 3000. В любом случае чукчей было очень много, и они значительно, в десятки раз, превосходили по численности противника. Произошло тяжелое сражение, которое длилось целый день. Русские убили мно-

гих чукчей (точные данные неизвестны), но и отряд Чудинова понес ощутимые потери. По одной версии, русские и юкагиры потеряли 20 человек ранеными, по другой – раненых было всего 10. Так или иначе, казаки и их союзники были вынуждены прекратить продвижение и «сесть в осаду». По-видимому, они соорудили вагенбург из саней или иное полевое укрепление. Осада продолжалась 5 дней. В конце концов осажденные поняли, что находятся в крайне невыгодном положении, и отступили в Анадырск. Скорее всего, им пришлось прорываться с боем, но никаких подробностей об этом последнем сражении не известно. Всего поход продолжался 8 недель. Чукчи потеряли убитыми, как минимум, 210 человек (10 было убито при разорении стойбища и 200 в последующем сражении). Однако очевидно, что их потери были значительно больше, не менее 500 человек, так как многие погибли в финальной битве. О потерях русских и их союзников точных данных не имеется. Есть сообщения только о том, что в главном сражении они потеряли, как говорилось выше, то ли 10, то ли 20 человек ранеными. Хотя русские и нанесли чукчам тяжелые потери, поставленных целей они не добились. Чукчи так и не приняли русское подданство и не стали платить ясак, а набеги на юкагиров и коряков продолжались. Впервые в истории освоения Сибири такой большой по местным меркам русский отряд не смог добиться поставленных целей. Это продемонстрировало военную силу чукчей. Стоит также особо отметить, что в хо-

де боевых действий проявилась хорошая слаженность между различными группами народа: только благодаря ей они после разгрома одного стойбища смогли быстро и оперативно собрать большое войско. В значительной мере это объяснялось тем, что у чукчей – действительно экспансионеров северо-востока Азии – уже был опыт сбора отрядов по 400–500 человек для ударных нападений на соседей. Поэтому появление у «терпил» боеспособной крыши заставило заматеревших в боях агрессоров напрячься и быстро собрать большое войско. **Однако русские тоже не могли оставить без защиты своих новых добровольных подданных.**

Присоединение Чукотки

Надо было усилить давление. С этой целью на Чукотку отправили экспедицию – 100 солдат и казаков, опорной базой которой стал Анадырский острог. В 1729 году войско было пополнено якутами и коряками до 300 человек. Следует отметить, что Сенат постановлял аборигенов «уговаривать в подданство добровольно и ласкою». Однако командиры Шестаков и Павлуцкий не всегда ограничивались переговорами. В марте 1730 года погиб атаман Шестаков. Командующим стал Павлуцкий. Отряду Павлуцкого чукчи дали три крупных сражения, в которых были разгромлены и понесли серьезные потери. Это были действительно крупные, по дальневосточным меркам, столкновения, в которых с их сто-

роны участвовало порой свыше тысячи вооруженных людей. После поражений, понесенных от Павлуцкого, получившего в чукотском фольклоре прозвище Якунин, чукчи отказались от открытых боев с русскими, перейдя к партизанским действиям, но продолжая воевать с принявшими российское подданство коряками и юкагирами. И грабить их стада. Хотя натиск стал слабеть.

14 марта 1747 года по старому стилю отряд из 97 человек под командой Павлуцкого выдвинулся из Анадырска навстречу чукчам. В этом отряде было 17 казаков. Они ехали впереди остальных на собачьих и оленьих упряжках. Также под началом майора было 45 оленных коряков, ехавших на нартах, запряженных оленями. Казаки были вооружены ружьями и копьями, а многие имели еще и ножи. Вооружение коряков состояло преимущественно из луков. У отряда также имелась одна пушка. Недалеко от устья реки Орловая отряд Павлуцкого заметил чукчей. Их было около 500 человек, и они находились на возвышенности, занимая очень выгодную позицию. Майор собрал военный совет. Казак Кривошапкин советовал напасть на чукчей немедленно. Он объяснял это тем, что сосредоточенные сейчас в одном месте чукчи в случае промедления могут разбежаться. Павлуцкий согласился с его мнением и приказал готовиться к бою. Бой начался с перестрелки. Казаки стали стрелять в чукчей из ружей, а те ответили градом стрел. Потом чукчи, используя свое численное превосходство и удобную для атаки пози-

цию, стремительно бросились на врага и завязали рукопашную схватку. По свидетельствам участников, бой был достаточно долгим и ожесточенным. Основным оружием в нем служило копье. Обе стороны проявляли большую храбрость. Постепенно натиск противника вынудил казаков и коряков начать отступление в сторону оставленного ими укрепления из саней. Чукчи преследовали отступавших. Павлуцкий, по свидетельству очевидцев, держа в правой руке саблю, а в левой ружье, храбро сражался на протяжении всего боя, но также был вынужден отходить с небольшой группой. По-видимому, он оставил поле боя одним из последних и находился в арьергарде отступавших. Чукчи преследовали бегущих до самого укрепления из саней. Когда русские и союзники добрались до укрепления, они поняли, что командир погиб. Чукчи не стали вступать с ними в бой, прекратили преследование и удалились. Русские пришли на поле боя только на следующий день. Там они нашли труп Павлуцкого без шлема и панциря, которые были сняты чукчами. В начале 1763 года в Анадырь прибыл новый комендант подполковник Фридрих Плениснер. Ознакомившись с состоянием дел, он решил, что предыдущие командиры увлеклись боями, а не убеждениями. И предложил сибирскому губернатору Федору Соймонову вообще ликвидировать Анадырскую партию. Во-первых, на ее содержание за время существования было израсходовано 1 381 007 рублей 49 копеек. Во-вторых, чукчи в подданство не приведены, чукотско-корякско-юка-

гирские столкновения не прекратились. Сенат согласился с закрытием Анадырской партии, признав, что она «бесполезна». В 1765 году из Анадыря начался вывод войск и гражданского населения, а в 1771 году были разрушены крепостные укрепления. Форпост русской власти на северо-востоке Сибири перестал существовать. Это позволило чукчам проникнуть на Анадырь, оттеснив коряков на Гижигу, а юкагиров – на Колыму. В 1776 году Екатерина II указала приложить все усилия для принятия чукчей в подданство. По указу Екатерины чукчи освобождались от ясака на 10 лет и сохраняли независимость во внутренних делах. К этому времени пассионарная агрессия чукчей ослабла. Соседям стало легче. *Сами чукчи все больше втягивались в торговый треугольник между русскими, алеутами Аляски и самими чукчами. Они окончательно втянулись в жизнь Российской империи. Большую роль стали играть жившие раньше на грани выживания чукчи с побережья Ледовитого океана. Добываемые ими меха полярных зверей резко повысили их доходы.*

Русская Америка

Первыми русскими, которые со стороны Сибири открыли Аляску (Америку), была экспедиция Семена Дежнева в 1648 году. Существует предположение, что часть мореходов после кораблекрушения одного из кочей могла высадиться на американский берег и основать первое нежизнеспособ-

ное поселение. В 1732 году Михаил Гвоздев на боте «Святой Гавриил» совершил плавание к берегам «Большой земли» (северо-западного побережья Америки), первым из европейцев достиг побережья Аляски в районе мыса Принца Уэльского. Гвоздев определил координаты и нанес на карту около 300 км побережья полуострова Сьюард, описал берега пролива и острова, лежащие в нем. В октябре 1732 года вернулся в Нижнекамчатский острог. В 1741 году экспедиция Беринга на двух пакетботах «Святой Петр» (Беринг) и «Святой Павел» (Чириков) исследовала Алеутские острова и берега Аляски. В 1772 году на алеутской Уналашке основано первое торговое русское поселение. 3 августа 1784 года на остров Кадьяк (бухта Трех Святителей) прибывает экспедиция Шелихова в составе трех галиотов («Три святителя», «Св. Симеон» и «Св. Михаил»). Шелиховцы (Северо-Восточная компания) начинают усиленно осваивать остров, подчиняя местных эскимосов (конягов), способствуя распространению православия среди туземцев и внедряя ряд сельскохозяйственных культур (картофель, репа). В 1788 году русские владения на Аляске пострадали от мощного цунами. Поселение на острове Кадьяк пришлось перенести в 1792 году на новое место, город получил название Павловской гавани. В 1793 году на остров Кадьяк прибыла православная миссия в составе пяти монахов Валаамского монастыря, которых возглавил архимандрит Иоасаф (епископ Кадьякский). Сразу же по приезде миссионеры начали воз-

водить храм и обращать язычников в православную веру. В 1795 году русским промышленникам под предводительством А. А. Баранова удалось продвинуться до Якутата. Параллельно с компанией Шелихова Аляску осваивала конкурирующая с ним компания купца Лебедева-Ласточкина. Снаряженный им галиот «Св. Георгий» (Коновалов) прибыл в 1791 году в залив Кука, а его экипаж основал Николаевский редут. В 1792 году лебедевцы основали поселение на берегах озера Илиамна и снарядили экспедицию Василия Иванова к берегам реки Юкон. Однако компания Лебедева-Ласточкина к 1798 году потерпела фиаско, не выдержав конкуренции с шелиховцами, из-за отсутствия хорошего снабжения из метрополии в Сибири. В 1799 году была основана Михайловская крепость (Ситка). Поселок быстро рос. К 1819 году здесь проживало более 200 русских и тысяча туземцев. Появилась начальная школа, верфь, церковь, цейхгаузы, арсенал и разные мастерские. Каждый приходивший сюда корабль встречали, как в петровские времена, оружейным салютом. Компания вела охоту на каланов и торговлю их мехом, основала свои поселения и фактории. Основной рабочей силой в колониях были алеуты. Так русские называли всех туземцев, которых принуждали ходить на промысел калана. Но у русских появились и неприятели – племя тлинкитов. Весной 1802 года тлинкиты захватили и сожгли Михайловскую крепость.

Индейцы тлинкиты и их страна

Продвигаясь на юг вдоль материкового побережья Аляски в поисках более богатых промысловых угодий, русские партии охотников на морского зверя постепенно приближались к территории, заселенной индейцами-тлинкитами – одним из наиболее могущественных и грозных племен северо-западного побережья Северной Америки. Русские называли их колошами (колюжами). Имя это происходит от обычая тлинкитских женщин вставлять в разрез на нижней губе деревянную плашку – калужку, отчего губа вытягивалась и отвисала. Так отзывались о тлинкитах русские первопроходцы. И на то у них были свои причины. К концу XVIII века тлинкиты занимали побережье юго-восточной Аляски от залива Портленд-Канал на юге до залива Якутат на севере, а также прилегающие острова архипелага Александра. Скалистые материковые берега этих мест изрезаны бесчисленными глубокими фьордами и заливами, высокие горы с вечными снегами и ледниками отделяли страну тлинкитов от внутриматериковых районов, где обитали атапаски, а дремучие, в основном хвойные леса покрывали, словно косматой шапкой, многочисленные гористые острова. Страна тлинкитов делилась на территориальные подразделения – куаны (Ситка, Якутат, Хуна, Хуцнуву, Акой, Стикин, Чилкат и др.). В каждом из них могло быть несколько крупных зимних дере-

вень, где проживали представители различных родов (кланов), принадлежавших к двум большим фратриям племени – Волка/Орла и Ворона. Эти кланы – киксади, кагвантан, дешитан, тлукнахади, текуеди, нанъяайи и т. д. – нередко враждовали между собой. Именно родовые, клановые связи и были наиболее значимыми и прочными в тлинкитском обществе. Численность тлинкитов к началу XIX века составляла, вероятно, более 10 000 человек мужского пола. Селения тлинкитов включали в себя от четырех-пяти до двадцати пяти больших дощатых домов, стоящих чередой вдоль берега моря или реки фасадами к воде. Дома имели каждый свое имя (дом Касатки, дом Звезды, дом Костей Ворона и пр.), которое зависело от родового тотема, местоположения, размеров. При постройке или перестройке дома приносились человеческие жертвы – под его опорными столбами закапывались тела убитых рабов. Фасады и внутренние перегородки украшались резьбой, перед входом иногда ставились тотемные столбы. Достаточно далеко, как и у части других племен северо-западного побережья, зашло у тлинкитов социальное расслоение общества. В каждом куане имелись свои люди высокого ранга, анъяди, простолюдины – тлинкит или канаш-киде, и рабы. Власть вождей, однако, была невелика. Важным фактором для определения статуса человека служили благородство происхождения и богатство, которое раздавалось на устраиваемых им потлачах – церемониальных пиршествах с раздачей подарков. Несмотря на свою

воинственность, отмечаемую всеми ранними путешественниками и исследователями, тлинкиты вовсе не были примитивными дикарями-грабителями. То был народ не только воинов, но и охотников, рыбаков, ремесленников, торговцев. Куаны, населенные соперничающими кланами, соединялись между собой прочными торговыми связями. Главную же роль в жизни тлинкитов играл морской промысел. Вся их жизнь была тесно связана с морем и полностью зависела от него.

Война и мир на северо-западном побережье

Каждый мужчина-тлинкит постоянно готовился к войне, и подготовка эта велась с самого раннего детства. Уже с трехлетнего возраста тела мальчиков закалялись ежедневными купаниями в холодной воде, а периодические порки приучали их терпеливо переносить боль. Труды практически всех исследователей, записки путешественников и собственные родовые предания тлинкитов свидетельствуют о том, что война занимала в их жизни одно из важнейших мест. Однако при этом война всегда оставалась частным делом того или иного клана, куана или, в крайнем случае, коалиции нескольких из них. Война обычно вырастала на почве кровной мести, а вызывал ее ряд причин: убийство, за которое не было уплачено достойной виры; оскорбление и ра-

нение в ссоре; вторжение в чужие охотничьи угодья и спор из-за добычи. Походы предпринимались также с целью грабежа и захвата рабов (в основном на юг) или для защиты своих торговых интересов. Межклановые войны могли быть остановлены лишь при достижении равновесия потерь или же путем уплаты выкупа за еще неотомщенных погибших. Жизнь вождя равнялась нескольким жизням людей иного общественного положения. Самым распространенным среди тлинкитов оружием и неотъемлемой принадлежностью каждого мужчины был кинжал. Он постоянно носился в ножах из жесткой кожи, которые вешались на шею на широком ремне. К оружию ближнего боя относились также копья и палицы. Палицы, изготовлявшиеся из дерева, камня, кости и даже металла, применялись тлинкитами сравнительно редко. Копья использовались равно и на войне, и на охоте (особенно медвежьей), их не метали, но вонзали в противника в рукопашной схватке. Подобно копьё, лук также использовался и на войне, и на охоте, но на войне гораздо реже. Это объясняется отчасти тем, что тлинкиты обычно нападали на противника на рассвете, когда эффективность стрельбы из лука была минимальной. К тому же тлинкитские воины предпочитали рукопашную схватку, в которой не было места для лука и стрел. Известны, однако, факты применения этого оружия во время «морских битв» на каноэ, когда для защиты от стрел был разработан целый ряд специальных маневров. При стрельбе лук держался горизонталь-

но – также, возможно, чтобы удобнее было целиться с борта каноэ. Позднее, однако, лук был быстро вытеснен широким распространением огнестрельного оружия, которое закупалось у европейских и американских морских торговцев. Известны даже случаи использования тлинкитами пушек. Тепло тлинкитского воина было надежно защищено против всех видов известного ему оружия. Шлем вырезался из древесного узла или корня, изображая собой лицо человека или морду животного, раскрашивался или покрывался шкурой, украшался инкрустацией из меди и раковин, пучками человеческих волос. Шлем надевался на голову поверх меховой шапки и крепился под подбородком кожаными ремешками. Шею и лицо до уровня глаз покрывал воротник-забрало, который поддерживался на месте петлей или продолговатой деревянной пуговицей, зажатой в зубах воина. Кираса имела несколько разновидностей. Она изготовлялась из дощечек или комбинации дощечек и палочек, которые скреплялись вместе и оплетались тонко скрученными нитями сухожилий. Отдельные части доспехов скреплялись кожаными связками. Руки от запястий до локтевого сгиба защищали наборные деревянные наручи. Такие же дощатые наголенники прикрывали ноги от колен до подъема ступни. Деревянные доспехи могли носиться в сочетании с кожаными. Кожаные рубахи-безрукавки достигали бедра, а иногда спускались и ниже колен. Они состояли из одного или нескольких слоев шкур морского льва, лося или карибу. Многослойны-

ми бывали и боевые плащи. Подобные доспехи изготавливались из сложенной вдвое шкуры, в которой сбоку прорезали отверстие для левой руки, а верхние края скрепляли, оставляя отверстие для головы. Защищенная левая сторона представлялась врагу в бою, особенно во время поединка на ножах. Внешняя поверхность расписывалась тотемными символами. Кинжалы, палицы, а также боевые шлемы и ружья, подобно домам и каноэ, получали особые названия (например, кинжал «Касатка», шлем «Шапка Ворона» и пр.). *То есть в здешнем регионе тинклиты были явными экспансионерами.* Для сравнения следует отметить, что подчиненные РАК эскимосы и алеуты, составлявшие большую часть промысловых партий и боевых ополчений компании, в основном применяли в бою то же оружие, что и на промысле. По наблюдениям Ю. Ф. Лисянского, «кадьякское оружие состоит в длинных пиках, гарпунах и стрелках, которыми промышляются морские звери. Когда жители вели войну между собою, то вооружались большими луками ... и стрелами с аспидными или медными носками... Здешние стрелки бросаются с узких дощечек (правою или левою рукою), которые держать должно указательным пальцем с одной стороны, а тремя меньшими с другой, для чего вырезаются ямки. Они кладутся перьяным концом в небольшой желобок, вырезанный посреди вышеозначенной дощечки, и бросаются прямо с плеча». Огнестрельное оружие туземным союзникам РАК доставалось лишь в единичных случаях. Вооружение самих

русских промышленных, что было особенностью на данном военном театре, также не превосходило тлинкитских арсеналов качественно. В 1803 году укрепления РАК были снабжены медными единорогами (чугунных пушек «было весьма немного»), а на вооружении артелей и гарнизонов находилось вообще мало «ружей, винтовок и штуцеров». И к тому же – невысокого качества, по сравнению с центральными районами Сибири или пограничным с Китаем Приамурьем, то есть явно по остаточному принципу. Относительно сравнительного достоинства огнестрельного оружия тлинкитов и русских красноречиво свидетельствуют слова Н. П. Резанова, который в 1805 году писал о колошах: «У них ружья английские, а у нас охотские, которые слабы вообще и в большинстве после осмотра – по привозу партии с материка – за негодностью их в боях и на охоте больше не употребляются».

Поскольку снабжение колоний оружием осуществлялось нерегулярно и без определенной программы, то вооружение служащих компании было зачастую весьма пестрым. К судну В. М. Головина в 1810 году подъехали промышленные, «вооруженные саблями, пистолетами и ружьями». Начальник якутатской крепости подарил индейскому вождю шпагу-трость, сохранившуюся до настоящего времени. После первого столкновения с облаченными в доспехи тлинкитами А. А. Баранов потребовал присылки ему кольчуг и панцирей. В особенно невыгодном положении оказывались промышленные при рукопашных схватках, которые были в

такой чести у тлинкитов. Подобный паритет в вооружении (а то и перевес в нем на сторону тлинкитов) русских при явной слабости его у алеутов и индейцев-союзников является одной из главных особенностей русской колонизации северо-западного побережья. Это, в сочетании с малочисленностью собственно русских – служащих РАК, во многом объясняет тот факт, что в первые два десятилетия компании инициатива в военных действиях нередко была в руках индейцев. За весь период вооруженных столкновений компания предприняла лишь одно наступательное действие – знаменитый поход Баранова на Ситку в 1804 году, для осуществления которого пришлось напрячь все силы и даже использовать помощь извне (прибытие «Невы» под командованием Ю. Ф. Лисянского). В большинстве случаев русские предпочитали действовать путем комбинации из войны и дипломатии, и на этом поприще приказчики и комиссионеры РАК стали настоящими мастерами. *В результате такого подхода к 1818 году тинклитов, как и чукчей ранее, удалось постепенно замирить, сделав их подданными либо союзными (в зависимости от клана) империи.* Вопросы войны и мира у тлинкитов решались советом мужчин клана. Помимо того, предводитель похода (обычно клановый вождь, его брат или племянник) совещался с шаманом, который провидел планы противника и боролся с враждебными духами. Как правило, военные походы совершались по морю. Архимандрит Анатолий писал, что тлинкиты, «отличаясь храбростью

и неустрашимостью... предпринимали нередко походы морем... подобно викингам, на огромные расстояния, причем в одни сутки, при благоприятной погоде, проезжали по 150 и 200 миль, то есть около 300 верст». Размеры флотилий могли достигать нескольких десятков батов – этим якутским словом русские по привычке называли боевые каноэ тлинкитов (яку). Иногда столкновения враждующих сторон происходили на море, как то случилось в битве хуцновцев и стикинцев у современного острова Врангель. В таких случаях особое значение приобретали мореходные качества батов, умелое управление ими, опытность кормчих и слаженность действий команды. Скрытно подплыв к враждебному селению, воины высаживались на берег, облачались в доспехи и раскрашивали лица черной краской – «в цвет смерти». На рассвете они нападали на селение, убивая мужчин и захватывая в плен женщин и детей. Пленников обращали в рабство, но могли освободить за выкуп. Пребывание в неволе считалось позорным, особенно для благородных аньяди, и после освобождения им следовало пройти через очистительные ритуалы. Подобные же обряды в бане-потельне совершали и вернувшиеся из похода воины. Заключение мира сопровождалось взаимным обменом заложниками. Число их обычно бывало два, четыре или восемь, а назывались они оленями (quwaka'n), «так как олень – кроткое животное и представляет собою мир». То были люди знатные, и считалось честью войти в их число. Прибывшим в конце XVIII

столетия в страну тлинкитов русским промышленным поневоле пришлось постигать сложные обычаи войны и мира аборигенов и в полной мере считаться с ними.

Первые встречи

Первая встреча русских мореплавателей с тлинкитами относится к июлю 1741 года, когда 15 моряков с пакетбота «Св. Павел» пропали без вести в районе бухты Таканис на острове Якоби. Судьба пропавших моряков так и осталась неясной, как и точное место происшествия. Выдвигалось предположение о гибели их от рук индейцев. Однако наиболее распространенной является версия о гибели обеих шлюпок Чирикова в прибрежных бурунах, как то произошло в заливе Льюта со шлюпками экспедиции Лаперуза в 1786 году. По другим версиям, пропавшие были перебиты индейцами или же уцелели и поселились среди них. Следующая встреча состоялась в июне 1788 года, когда шелиховский галиот «Три Святителя» под командованием штурманов Г. Г. Измайлова и Д. И. Бочарова вошел в Якутатский залив. Встреча эта прошла вполне мирно. Результаты этого плавания дали Г. И. Шелихову возможность выставить в выгодном свете свою деятельность перед государственными чиновниками, чтобы добиться для своей компании новых государственных субсидий и привилегий. По мере продвижения русских промысловых партий к югу тлинкиты принимали их все более и бо-

лее неприветливо. Кроме того, что партовщики опустошали их традиционные охотничьи угодья, индейцев раздражало и то, что в состав этих партий входили не только кадьякцы и алеуты, но и их традиционные враги – эскимосы чугачи. Сами же тлинкиты в тот период весьма активно, как и следует экспансионерам-завоевателям, расширяли на севере собственную сферу влияния, включив уже в нее индейцев эяков. Всем этим и объясняется тот факт, что если первые встречи с русскими мореплавателями, посещавшими их земли с исследовательскими и торговыми целями, проходили у тлинкитов мирно, то открытие на их территории активного промысла и строительство опорных баз компании быстро привело к вооруженным столкновениям. Первое из них, впрочем, произошло в результате случайной встречи русской экспедиции с одним из тлинкитских военных отрядов. В ночь на 21 июня 1792 года воины Якутат-куана, вышедшие в набег против чугачей, атаковали встретившийся им на пути лагерь партии А. А. Баранова на остров Нучек. Индейцы подобрались к спящему лагерю в излюбленное ими для нападений время: «в самую глубокую ночь пред зорею». Хотя в карауле и стояли пять человек, но «за мрачностью ночи» тлинкитов заметили, только когда те были уже в десяти шагах. Со всех сторон ворвались индейцы в лагерь, пронзая копьями палатки и выбегающих оттуда полусонных людей. Шагнув из ночного мрака в своих диковинных доспехах, они казались русским «подлинно... страшнее самых адских чертей». Ру-

жейная стрельба не могла сдержать их натиска, «ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетеными ку-яками и сверху еще прикрывались лосиными претолстыми плащами, а на головах [имели] со изображением лиц разных чудовищ претолстыя шишаки, коих никакие пули наши не пробивали». Русские стали было метить по головам, но и тут пули были бессильны против этих страшных неприятелей.

Положение Баранова было тем более опасным, что больше половины из его людей было новичками-аборигенами, которым не приходилось еще попадать в подобные переделки. Тлинкиты же, «наблюдая совершенный порядок в движениях по голосу одного повелевающего, стройно к нам приближались, а часть только отделенная бегала туда и сюда, причиняя вред нам и иноверцам». Баранов выбежал со сна в одной рубахе, которая тотчас оказалась проколота индейским копьем. Чугачи и кадьякцы, видя, что их оружие бессильно против доспехов тлинкитов, в панике бросились к байдарам и поспешно отвалили от берега, а те из них, кто остался на берегу, «теснясь в нашем стане, отнимали действие рук». Даже три залпа из однофунтовой пушки не могли опрокинуть рвущихся вперед тлинкитов: «Два часа они стояли, и мы огонь по ним производили до самого рассвета». Затем они отошли, унося своих раненых. Русских спас боевой опыт и канатные нервы нескольких опытных ветеранов. Баранов подсчитал потери. Из русских погибло двое, кадьякцев же пало 9 человек и еще 15 было ранено. Тлинкиты, от-

ступая, оставили на поле боя тела 12 своих воинов. Встревоженный Баранов поспешил с возвращением на Кадьяк, опасаясь внезапного вторжения тлинкитов в Кенайский залив. Тотчас после такой встречи Александр Андреевич срочно затребовал у правления компании присылки оружия: «кольчуг или пансырей сколько можно более... и ружья со штыками весьма нужны в опасных случаях, скольконибудь гранат и побольше пушки». С тех пор до самого конца своего пребывания в Америке Баранов не расставался с кольчугой, носимой им под верхней одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.